

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH223505-515>

Исследовательская статья

Ананьев Виталий Геннадьевич

доктор культурологии, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

vgananev@herzen.spb.ru;

Бухарин Михаил Дмитриевич

действительный член РАН, главный научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

michabucha@gmail.com

ВЫСТУПЛЕНИЕ И.А. ОРБЕЛИ НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МУЗЕЙНЫХ И ЭКСКУРСИОННЫХ РАБОТНИКОВ (ДЕКАБРЬ 1929 г.): К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ УЧЕНОГО

Аннотация. Научное наследие крупнейшего отечественного кавказоведа, действительного члена АН СССР (1935), первого президента Академии наук Армянской ССР (1943–1947) Иосифа Абгаровича Орбели (1887–1961) сохраняет свою актуальность и в начале XXI в. При этом в научный оборот до сих пор введены далеко не все материалы, касающиеся его научной, организационной и общественной деятельности. Наибольшее влияние на формирование музейной культуры, теории и практики музейного дела И.А. Орбели оказывал как директор Государственного Эрмитажа в 1934–1951 гг. Однако и до того, как занять пост директора, он принадлежал к числу авторитетных специалистов в области музейного строительства. В этой связи существенное значение имеет выступление И.А. Орбели на Ленинградской производственной конференции музейных и экскурсионных работников, состоявшейся 10–12 декабря 1929 г. Текст выступления не предназначался для публикации, что еще более увеличивает его ценность для реконструкции динамики музейного строительства (и шире – строительства культуры) в СССР в межвоенное двадцатилетие. Он сохранился в материалах конференции в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. В данной публикации этот материал впервые вводится в научный оборот. Целый ряд вопросов, сохраняющих значение для функционирования музеев и в настоящее время, озвучивался И.А. Орбели почти сто лет назад, и их полноценное решение все еще ожидается профессиональным сообществом.

Ключевые слова: музееведение; историко-культурное наследие; музейные конференции; история науки; история культуры; кавказоведение; И.А. Орбели

Для цитирования: Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Выступление И.А. Орбели на Ленинградской производственной конференции музейных и экскурсионных работников (декабрь 1929 г.): к 65-летию со дня смерти ученого // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 3. С. 505-515. doi.org/10.32653/CH223505-515

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH223505-515>

Research paper

Vitaly G. Ananiev

Dr. Sci., Prof. of the Department of Art History and Art Pedagogy

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

vgananev@herzen.spb.ru

Mikhail D. Bukharin

Full Member of the RAS, Chief Researcher

Institute of World History of the RAS, Moscow, Russia

michabucha@gmail.com

J. A. ORBELI AT THE LENINGRAD WORKING CONFERENCE OF MUSEUM AND EXCURSION WORKERS (DECEMBER 1929): MARKING THE 65TH ANNIVERSARY OF HIS DEATH

Abstract. The academic legacy of Joseph Abgarovich Orbeli (1887–1961), a leading Russian scholar of caucasiology, Full Member of the USSR Academy of Sciences (1935), and the first President of the Academy of Sciences of the Armenian SSR (1943–1947), remains highly relevant even today. However, many materials concerning his academic, organizational, and public activities have not yet been introduced into scientific discourse. J.A. Orbeli exercised his greatest influence on the formation of museum culture and the theory and practice of museology as Director of the State Hermitage Museum from 1934 to 1951. Nevertheless, even before assuming the directorship, he was regarded as one of the most authoritative experts in museum development. In this regard, J.A. Orbeli's address at the Leningrad Industrial Conference of Museum and Excursion Workers, held on December 10–12, 1929, is of significant importance. The communication was not intended for publication, which further enhances its value for reconstructing the dynamics of museum development (and, more broadly, cultural construction) in the USSR during the interwar period. The text has been preserved in the conference materials at the Central State Archive of Saint Petersburg and is introduced into scientific discourse for the first time in this very publication. A wide range of issues raised by J.A. Orbeli nearly a century ago remain relevant to museum operations today, with comprehensive solutions still anticipated by the professional community.

Keywords: Museology; State Hermitage Museum; history of science; Soviet cultural policy; museum conferences; J. A. Orbeli; interwar period; archival studies

For citation: Ananiev V.G., Bukharin M.D. J. A. Orbeli at the Leningrad working conference of museum and excursion workers (December 1929): marking the 65th anniversary of his death. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. № 3. P. 505-515. doi.org/10.32653/CH223505-515

Введение

2 февраля 2026 г. исполнилось 65 лет со дня кончины крупнейшего отечественного кавказоведа, действительного члена АН СССР (1935), первого президента Академии наук Армянской ССР (1943–1947) Иосифа Абгаровича Орбели (1887–1961). Несмотря на существенный срок, прошедший его смерти, его работы остаются актуальным компонентом историографии соответствующих областей знания, связанных с лингвистикой, литературой, материальной культурой Кавказа. Однако едва ли будет преувеличением сказать, что в истории отечественной культуры как таковой (а не только в специализированной области научных исследований Кавказа) И.А. Орбели в первую очередь остался как легендарный директор Государственного Эрмитажа, под руководством которого были проведены сложнейшие процессы эвакуации музейных сокровищ из военного Ленинграда в Свердловск и их возвращения, нового развертывания работы крупнейшего музея страны после снятия блокады города [См.: 1].

Действительно, музейная деятельность была неотъемлемой частью профессиональной биографии И.А. Орбели. Начав ее еще в юности, принимая участие в пополнении, организации и разработке материала музея, созданного на месте Анийских раскопок его учителем академиком Н.Я. Марром [2; 3, с. 15–16], впоследствии И.А. Орбели более тридцати лет (1920–1951) был связан с Государственным Эрмитажем. На заседании Совета Эрмитажа 25 октября 1920 г. по предложению 12 членов Совета он был избран на вакантную должность хранителя Отделения мусульманского Средневековья [4, с. 225, 228–229], 2 сентября 1924 г. стал помощником директора музея [5, с. 32], с 1 июня 1926 г. возглавил (первоначально – как и.о. заведующего) новообразованный Отдел Востока [5, с. 39], а 19 июня 1934 г. был назначен на должность директора музея [5, с. 55]. С последней он был снят приказом Комитета по делам искусств при Совете министров СССР от 20 июля 1951 г. Так 25 июля 1951 г. [5, с. 140] завершилась тридцатилетняя музейная работа И.А. Орбели.

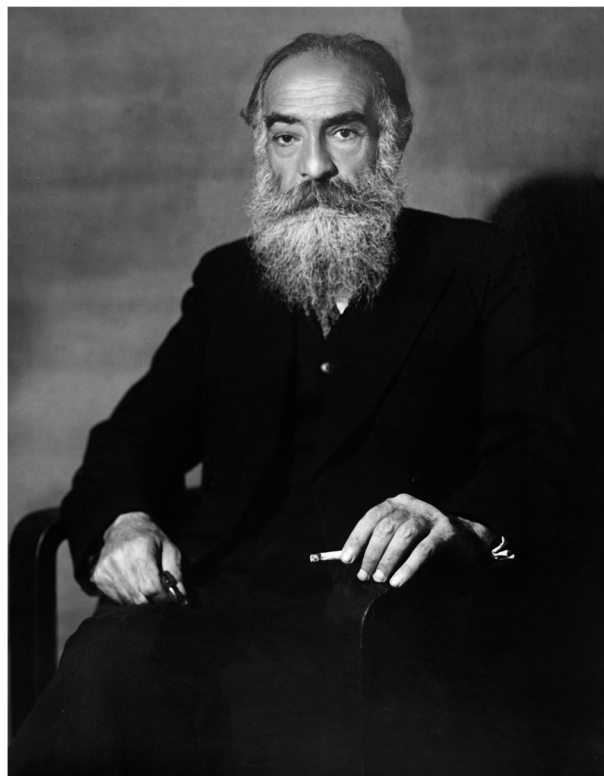

Фото 1. Иосиф Абгарович Орбели.
Фотопортрет к 220-летию Академии наук, 1945 г.
АРАН. Ф. Р. Х. Оп. 4. Д. 77. Л. 1

Photo 1. Iosif Abgarovich Orbeli.
Photographic portrait for the 220th anniversary of the Academy
of Sciences, 1945. ARAN. F. R. Kh. Op. 4. D. 77. L. 1

Исторический контекст

Музейная деятельность И.А. Орбели пришлась на тот период в развитии музеологии, который в современной историографии – используя определение крупнейшего чехословацкого музеолога З. Странского – нередко называют эмпирически-описательным [См.: 6, с. 40]. Вопросы, связанные с музейным делом, разрабатывались тогда преимущественно на уровне решения конкретных проблем и задач музейного строительства, исследователи, как правило, избегали теоретических обобщений и не поднимались до уровня синтеза накопленного материала, рассматривая в качестве достаточных рамки музеологии как прикладной дисциплины. Поэтому неудивительно, что в списках печатных трудов многих крупнейших ученых, работавших в первой половине XX в. в музеях, мы не находим специализированных работ, посвященных музейной проблематике. Это не означает, что соответствующие проблемы их не интересовали, это лишь следствие господствующего научного дискурса и примета

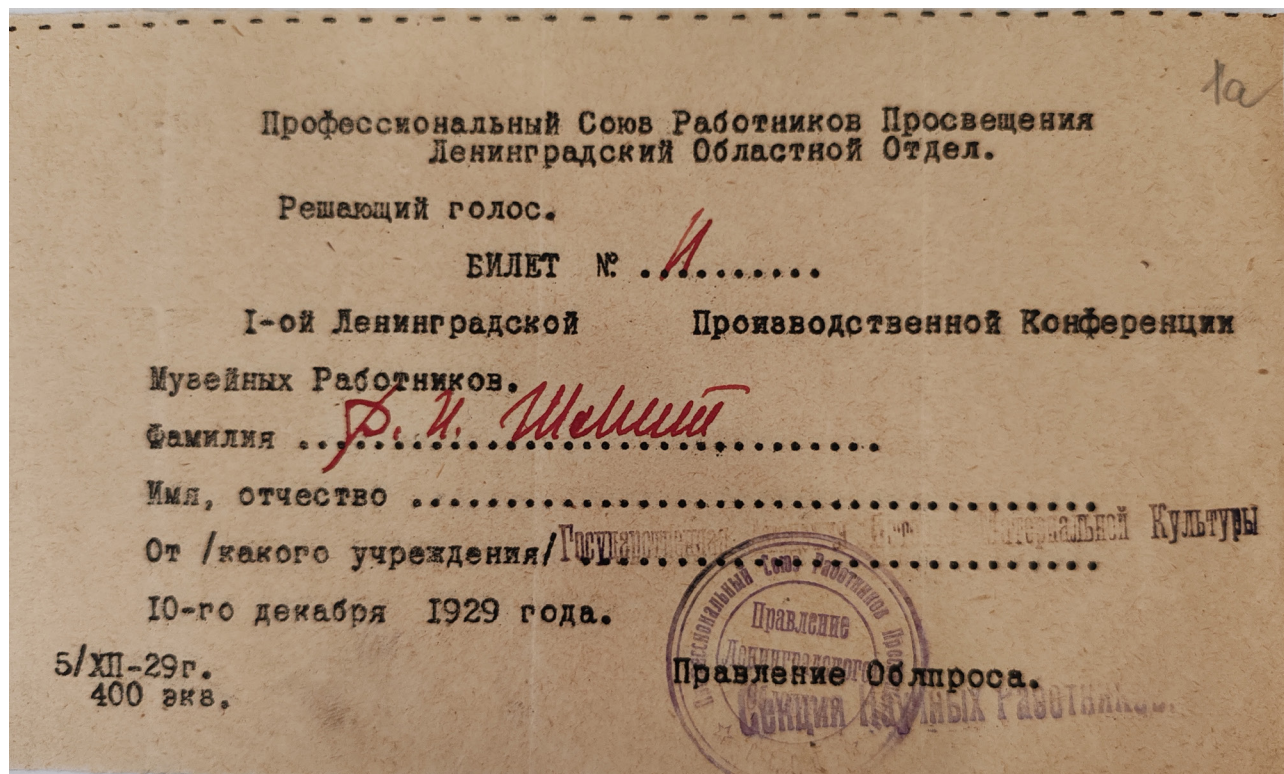

Фото 2. Билет участника конференции, выданный Ф.И. Шмиту как представителю Государственной академии истории материальной культуры, 1929 г. ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 177. Л. 1а

Photo 2. Conference participant ticket issued to F.I. Schmit as a representative of the State Academy for the History of Material Culture, 1929. TsGALI SPb. F. 389. Op. 1. D. 177. L. 1a

определенного этапа в развитии музейной науки, которую и в конце XX в. зачастую принято было называть еще молодой.

Научное наследие И.А. Орбели в данном случае не является исключением. Его «музейные» тексты носили, как правило, служебный характер и зачастую не предназначались для публикации, представляя собой служебные записки или доклады на профессиональных форумах. Некоторые из них все же были введены в научный оборот, хотя и после смерти автора [5], контекстуализированы в новейшей историографии [7, с. 99–120; 8, с. 73–87], дополнились новообнаруженными материалами [9, с. 1022–1039]. Данная публикация продолжает эту линию, связанную с выявлением и актуализацией музееведческого наследия И.А. Орбели, и представляет собой публикацию его выступления на Ленинградской производственной конференции музейных и экскурсионных работников, состоявшейся 10–12 декабря 1929 г.

Ленинградская производственная конференция музейных и экскурсионных работников 1929 г.

Ленинградская музейная конференция 1929 г., хотя и упоминалась изредка в литературе по истории музейного дела [10, с. 73], до сих пор не становилась предметом специального научного изучения. Вместе с тем, она достаточно важна для понимания траектории развития советского музейного мира в период оформления тоталитарного государства сталинского образца. Рубежным в этом отношении принято считать Первый всероссийский музейный съезд, состоявшийся в декабре 1930 г. в Москве [11]. Но как подготовительный этап к съезду за год до того была проведена серия региональных музейных конференций, одной из которых и стала интересующая нас ленинградская. Как отмечалось в ходе самого мероприятия, созывалось оно, чтобы участники «в результате этой конференции действительно

подытожили опыт массовика музейного работника, который здесь широко представлен»¹. На конференции были заслушаны во многом установочные доклады руководителей сектора как республиканского, так и городского масштаба. Их характер подчеркивался уже тем фактом, что тезисы/сами тексты этих докладов к началу конференции были отпечатаны типографским способом.

Во многом установочным на конференции был доклад заведующего Главнауки Наркомпроса РСФСР Ивана Капитоновича Луппола (1896–1943), в котором в сжатой форме разъяснялось, как именно в «реконструктивный период народного хозяйства СССР» «вся музейная сеть Главнауки должна в своей специфической форме войти мощным фактором в общее русло строительства социализма и культурной революции»². По сути дела, это была репетиция (пока без теоретического обоснования) его же установочного доклада на Первом всероссийском музейном съезде в 1930 г. о применении в музейной работе метода диалектического материализма и о борьбе с «безыдейным вещизмом» [12]. Следующие два доклада конкретизировали общие установки на городском материале. Заместитель уполномоченного Наркомпроса в Ленинграде Юрий Николаевич Никич (1891–1937) сделал доклад о руководстве работой ленинградских музеев³, а Григорий Эммануилович Чудаков (1903–1933), руководивший Экскурсионно-лекторской базой (Политпросветбазой) Губоблоно, посвятил свое выступление политпросветработе музеев⁴. Хотя звучали и другие подготовленные доклады, тезисы которых, как и тезисы перечисленных выше трех докладов, были отпечатаны к началу конференции и раздавались участникам (напр., доклад Федора Васильевича Кипарисова (1886–1936), фактически возглавлявшего с начала 1929 г. Государственную академию истории материальной культуры, «о союзной работе среди музейных работников»)⁵, но именно по этим трем выступлениям была принята итоговая резолюция, отмечавшая и актуальность участия музеев в деле реконструкции народного хозяйства, и важность беспощадной борьбы с внутренним врагом, «который безнадежно связал себя с отжитым уже временем», и недопустимость абстрактного собирательства⁶. Впрочем, в той же резолюции отмечалось и иное. «Поскольку вся музейная работа может строиться только на строго научных основаниях с применением научных методов исследования и объяснения музейных экспонатов и их показа, Конференция признает необходимым установление и максимальное развитие связи музеев с соответствующими научно-исследовательскими институтами»⁷. Таким образом, наряду с актуальной повесткой, конференция артикулировала и значимость сохранения того, что традиционно было базисом музейной работы.

Выступление И.А. Орбели: темы явные и не вполне

На конференции в обсуждении услышанного от начальства выступали многие музейные работники Ленинграда, но одним из самых ярких по форме и глубоким по содержанию стало именно выступление И.А. Орбели. Он был первым, кто взял слово на второй день конференции, 11 декабря, при обсуждении установочных докладов, заслушанных накануне. Опыт музейной работы в Эрмитаже, высочайшая академическая подготовка, личная смелость докладчика способствовали тому, что его выступление в сжатой форме представило те актуальные проблемы, с которыми сталкивались советские музеи к концу 1920-х гг., и наметило возможные пути их решения. Но знакомство с текстом позволяет утверждать, что значение его отнюдь не ограничивается важностью исторического источника, а сохраняет актуальность и в свете современных тенденций развития музейного дела.

В центре выступления И.А. Орбели находился комплекс вопросов, связанных с упорядочиванием процесса комплектования и профилизации фондов отдельных музеев и объединением их в единую музейную сеть в рамках всей страны, развитием основных функций музея как особого социокультурного института и достижением их верного соотношения друг с другом, подготовкой способных решать

1 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб). Ф. 6307. Оп. 12. Д. 438. Л. 5.

2 Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 389. Оп. 1. Д. 177. Л. 22.

3 ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 177. Л. 21.

4 ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 177. Л. 20.

5 ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 177. Л. 19–19 об.

6 Ведомственный архив Государственного Русского музея (Далее – ВА ГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 720. Л. 12–12 об.

7 ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. Доп. 1. Д. 13. Л. 12 об.

обозначенные выше проблемы музейных кадров, а также обеспечением финансовой базы в результате продуманной государственной политики в области публикации музейных предметов и коллекций.

В общем, эти вопросы не были чем-то совершенно новым. О необходимости системного подхода к развитию всей совокупности музеев страны как единого целого сами представители научного и музейного миров говорили еще до Октябрьской революции. После революции эти проекты начали реализовываться на практике при активной поддержке новой власти в форме перераспределения исторически сложившихся коллекций между различными музейными учреждениями с учетом четко выдержанного профиля каждого из них и избегания параллелизма [См., напр.: 13]. Сам И.А. Орбели участвовал в них, например, и при обсуждении научности структуры Эрмитажа в 1927 г., и в рамках дискуссий о существовании особого Музея восточных культур [5, с. 39–50].

Неоднократно озвучивался и вопрос о соотношении музейных функций, в первую очередь, понимаемый через призму континуума от научно-исследовательской до культурно-просветительной. И в его обсуждении, в отличие от предыдущего, довольно быстро проявились противоречия между новой властью и представителями профессионального сообщества. Первые, с учетом новой государственной политики, все больше видели в музеях инструмент просвещения, а затем и пропаганды, в то время как вторые, зачастую, склонны были акцентировать именно его научно-исследовательский потенциал, делегируя работы по просвещению специальным службам вне музея. За несколько месяцев до декабрьской конференции, в апреле 1929 г., в Ленинграде прошло масштабное совещание этнографов, на котором, среди прочих, обсуждались и эти вопросы соотношения научного и просветительского начал в музейной деятельности [См.: 14]. Они оставались не просто актуальными, но и злободневными.

Не менее актуальной была и проблема подготовки музейных кадров, необходимость разрешения которой диктовалась общемировыми тенденциями профессионализации музейного сектора на рубеже XIX–XX вв. Система таковой в позднеимперский период в России сложиться не успела, а эксперименты первых лет советской власти в силу целого ряда причин оказывались недолговечными и желаемых результатов не давали. И.А. Орбели прекрасно знал это, занимаясь в 1920-е гг. преподавательской работой на факультете общественных наук, сменившем его факультете языка/языкознания и материальной культуры Петроградского/Ленинградского университета и в пришедшем им на смену Ленинградском историко-лингвистическом институте [3, с. 57].

Все это были вопросы регулярно обсуждавшиеся профессиональным сообществом в первой трети XX в. Вполне естественным кажется обращение к ним и в рассматриваемом выступлении. Более оригинально звучит последняя из затронутых в выступлении И.А. Орбели проблем – проблема публикации музейных материалов, выполненных на их основе научных исследований и финансовой выгоды, которую для государства может иметь верная постановка этого дела. Она может показаться даже несколько неожиданной с учетом тех рабочих материалов, которые получали участники перед началом конференции и которые определенно иначе трактовали роль музеев в развитии социалистического хозяйства. Не через публикацию специализированных работ должна была эта роль реализовываться по мнению организаторов конференции. Что же заставило И.А. Орбели в заключении выступления обратиться к этой проблеме?

Попытаться ответить на этот вопрос можно обратившись к контексту. Как хорошо теперь известно, в 1928 г. начался активный процесс государственной продажи музейных предметов за границу, так называемые «музейные распродажи», ставшие одной из самых мрачных страниц в истории отечественного музейного дела XX в. В том же году они коснулись и Государственного Эрмитажа [15]. Причем, как отмечает ведущий специалист в изучении этой проблемы Е.Ю. Соломаха, к «середине 1928 г. окончательно сформировалась идея о продаже шедевров» из музейных собраний [15, с. 15]. Эти меры обосновывались экономическими нуждами государства. Естественно, И.А. Орбели выступал резко против этих «распродаж». В 1932 г. он написал письмо Сталину о пагубности подобного подхода. Вскоре после этого «распродажи» прекратились, а сам И.А. Орбели был назначен директором Государственного Эрмитажа. Но и до 1932 г. он не боялся выступать в защиту музейных коллекций. Так в апреле 1929 г. в Ленинград прибыл новоназначенный заведующий Главнаукой Наркомпроса РСФСР М.Н. Лядов (1872–1947). На специально созванном совещании музейных и экскурсионных работников города он выступил с докладом, посвященным новым установкам государственной музейной политики. В протоколе совещания выступление И.А. Орбели резюмировалось, среди прочего, следующим: «Весьма решительно говорит о полной бессистемности и реальной бесплодности политики реализации

на заграничном рынке имущества музеев» [16, с. 52]. Кажется, что и на декабрьской конференции подтекстом соответствующей части выступления И.А. Орбели была все та же проблема. Не упоминаемая напрямую, но понятная для посвященных, она звучала как бы в логике «от противного»: музеи могут быть источником финансовых поступлений, но не посредством продажи их собраний, а через поддержку их научных исследований и издательской работы. В каком-то смысле, и этот призыв «издавать роскошные издания» вскоре будет услышан, и в 1935 г. к Третьему международному конгрессу по иранскому искусству и археологии выйдет подготовленный И.А. Орбели и К.В. Тревер великолепный увраж «Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы», содержащий публикацию одной из важнейших эрмитажных коллекций [См.: 17].

Заключение

Как видим, выступление И.А. Орбели на Ленинградской производственной конференции музейных и экскурсионных работников 1929 г. может рассматриваться как точка схождения целого ряда актуальных проблем отечественного музейного дела первого послереволюционного десятилетия. В нем прозвучали не только те темы, которые эксплицитно обсуждались профессиональным сообществом в его диалоге с властным дискурсом, но и те, которые в силу своего характера (как, например, «музейные распродажи»), напрямую озвучены быть не могли, но составляли важный элемент актуальной повестки. Во многом причиной тому стало уникальное соединение глубокого профессионализма и личной смелости, характерное для И.А. Орбели.

Намеченные в выступлении ученого вопросы остаются актуальными и сегодня. Профессиональное музейное сообщество и сейчас активно обсуждает вопросы отчуждения и мобильности (деацессии) музейных предметов («выделение, а не только поглощение» в терминологии И.А. Орбели) [См., напр., в материалах Международного комитета по музеологии при Международном совете музеев: 18], подготовки музейных кадров [19], прав на воспроизведение элементов музейных коллекций [см. в: 20], профессиональной хранительской психологии [см. интересный подход с позиций психоанализа: 21]. Представляется, что публикация текста этого выступления послужит не только уточнению одного из эпизодов в биографии крупнейшего отечественного ученого и музейного деятеля первой половины XX в., но и дополнит новым материалом актуальные дискуссии в области музеологии.

Текст печатается по машинописи с приведением норм орфографии и пунктуации к современным нормам, имеющиеся на переходах с листа на лист повторы слов и словосочетаний опускаются. Сокращения раскрываются.

Утреннее заседание 11 декабря 1929 г.

ОРБЕЛИ. Товарищи, о недостатках наших музеев говорят очень часто и очень много. Один из главных упреков, которые делаются нашим центральным музеям, сводится к тому, что они представляют собой Левиафана. Это прозвучало вчера и в словах товарища Луппола. Я должен сказать, что быть Левиафаном не так уже и плохо, если говорить о размерах его, не это страшно, не страшно быть таким уж большим, как это чудовище, а страшно быть таким же инертным и сонным, страшно быть проклятым Господом богом, который связал его. И вот от проклятия связанностью традициями и условностями наши музеи должны быть освобождены; тогда их размеры не будут нас страшить. Мы знаем колоссальные, чудовищные организмы, которые, несомненно, жизнеспособнее маленьких организмов. Достаточно сравнить СССР – чудовище по своим размерам – и маленькую Румынию. Я думаю, что все предпочтут первую. Значит, надо что-то такое сделать другое – не размеры уменьшать, а устранить связанность наших музеев традициями. Устранить же эту связанность трудно, но возможно. В целом ряде случаев это придется сделать оперативным путем, оперативным путем придется устранить все те препятствия, которые стоят на пути развития наших музеев, устранить все условности и традиции. Связанность эта заключается в том, что все материалы, которые когда-либо и где-либо могут пригодиться данному музею, непременно им накапливаются. Образуется чудовищный балласт, который мешает работать, который создает параллелизм в работе, создает неразбериху и те нездоровые, невозможные отношения между отдельными музейными

организмами и внутри каждого отдельного организма, которые мы наблюдаем. В результате, одна и та же задача, в одной и той же плоскости ставится параллельно целым рядом учреждений и ни одним из этих учреждений удовлетворительно не разрешается. Вполне понятно, раз мы собираем одни и те же материалы, раз мы исследуем один и тот же предмет, мы вступаем в неизбежную конкуренцию, в соревнование, но не в то социалистическое соревнование, о котором сейчас идет речь, которое основано на желании помочь друг другу, а в такое соревнование, которое характеризуется стремлением утянуть друг у друга тот или иной материал. Конечно, собирание материалов само по себе, накопление их, – не так уж плохо, если это собрание передается куда следует, но весь вопрос в том, что, собирая этот материал, мы должны его усваивать, использовать, а у нас, к сожалению, наблюдается другое явление: музеи у нас поглощают весь материал, не усваивая его. Вы понимаете, что может получиться с организмом, который живет таким способом, а наши музеи в целом ряде случаев живут именно так, поглощая, но ничего не выделяя (я имею в виду те нормальные выделения, которые должны идти на создание новых музеев во всем нашем Союзе). У нас же выделение идет по принципу: выделить столько-то вещей такому-то музею. И у нас выделяют зачастую вещи, не только ненужные данному музею, а вообще ни одному музею ненужные. Классический пример такого выделения – это список погонов и пуговиц таких-то гвардейских полков из музейного фонда в Москве вновь образованному музею в Нальчике¹. И этот список существует, и вещи были выделены, и Нальчикский музей, кабардины его приняли, но вы понимаете, с каким чувством они его приняли. Они вспомнили о Петербурге и отказывались верить, что существует Ленинград. В результате такого рода собирания, в результате параллелизма создается специфический местный патриотизм, который порождает уверенность в своей непогрешимости, в правильности только своей точки зрения, порождает своего рода олимпизм, порождает то положение, что люди не отделяют как-то себя от вещей, начинают думать, что если они хранят великие памятники, богатые коллекции, то они чем-то освящены от этих памятников, и в результате – богатейшие собрания, великолепнейшие вещи совершенно не организованы, совершенно не использованы или почти не использованы так, как их нужно использовать, сохраняя вид каких-то несокрушимых великих памятников, к которым нужно подходить с почтением. Почтения быть не должно там, где мы должны ударять со всей силой, а там, где нужно ударить, мы часто наталкиваемся на сопротивление ни на чем не основанное. Нужно отделить коллекции от людей, а представление о людях, которые собирают и охраняют коллекции, надо отделить от коллекций, и, если это будет сделано, то многие операции станут происходить беспрепятственно и безболезненно.

Мы говорим о реконструкции, а музеи надо упрекать, что они не провели реконструкции, что они до сих пор пребывают в такой стадии, которая уже давно пройдена нашей страной. Ведь идея о ненаучности структуры величайшего из наших музеев – Эрмитажа – это надо сказать к его чести – исходила из самого Эрмитажа². Но что мы видели, когда три года тому назад была подана записка Уполнаркомпросу и в Главнауку, как отнеслись к этому все те люди, которые должны были быть заинтересованы вопросом о ненаучности структуры Эрмитажа, о необходимости коренной ломки этой структуры? Кто пришел на помощь? Три года вопрос мариновался, рассматривался и, наконец, только при помощи Наркомфина через три года он был разрешен. Три года нельзя было уверить людей, что Отдел глиптики всех времен и народов представляет собой ничто иное, как тяжесть из всей той нелепости, которая лежала в основе структуры всех музеев. Эта глиптика могла бы существовать до скончания века, но когда она перестала существовать, все принципиальные возражения, что она должна существовать, отпали, говорилось о том, что надо опять ждать сокращения штатов и т.д. Нельзя винить только музеи, музеи нужно винить, но надо винить также и те органы, которые не оказывают должной поддержки, когда мы видим отсутствие поддержки там, где поддержка должна быть оказана.

Реконструкция невозможна без смены, без расчета на те свежие силы, которые должны занять место старых работников. Но откуда могут черпаться эти новые кадры, этих кадров нет и их не будет, пока не создадутся такие условия, чтобы каждый молодой человек, желающий приступить к изучению той или другой отрасли, связанной с музейным строительством, был уверен, что его силы будут использованы так, как они должны быть использованы. Мы знаем, что молодые люди, прошедшие или заканчивающие высшую школу, подготовляющиеся к музейному делу, служат в музеях, но как вы думаете, в качестве кого они служат? Человек, который печатает свои статьи

в трудах Академии, таскает ящики в одном из музеев Академии, египтолог, у которого имеется целый ряд работ, таскает ящики, то есть выполняет ту работу, которую с успехом мог бы выполнить любой из технических служащих³.

При каких условиях студент может нормально и свободно работать в музеях, какой студент может так работать? Только тот, который учится у служащего в музее своего профессора, а если этого нет, то для него закрыт вход в музей в той мере, как это требуется для того, чтобы закончить работу. Если сейчас в Эрмитаже делается попытка организовать такие кружки, где мог участвовать любой преподаватель, любой профессор и пользоваться теми коллекциями, которые там находятся – такая попытка заслуживает внимания, правда, что выйдет из нее – неизвестно.

Но во всяком случае сейчас связи с музеем у наших студентов не получается, а если ее нет, то значит мы должны как-то ее обеспечить.

В связи с этим встает вопрос, который затрагивал в своем докладе товарищ Чудаков, говоря о подготовке смены – как занимается подготовкой смены Главпрофобр⁴, занимается ли он проработкой самых лучших, точных, продуманных методов обучения и преподавания в высших учебных заведениях, готовящих работников музейного дела? Такого руководства со стороны Главпрофобра нет, руководства методической работой нет, если бы оно было, то не получилось бы тех нелепостей, которые сейчас получают, не обучались бы молодые люди всем тем надуманным или вчера придуманным вещам, которые нигде не проверены и которым сейчас их обучают. Значит, мы имеем отрыв от высшей школы, разрыв между работой Политпросвета и Главпрофобра, разрыв между работой экскурсоводов и работой в университете.

Наконец, последний вопрос – о научно-исследовательской работе. Этому вопросу было уделено достаточно внимания. И, конечно, правильно, что научно-исследовательская работа, оперативная работа должна быть изъята из музеев потому, что она мешает работать для музея, что она отвлекает. Вы никогда не сможете ученого заставить отказаться от исследовательской работы для того, чтобы придумать лучший способ экспозиции в витринах. Разумеется, все музейные работники должны быть учеными, они должны поддерживать свои знания на определенном научном уровне. Но нужно, чтобы эту свою научную работу они вели в составе научно-исследовательских учреждений, а не в музеях, в музее же постольку, поскольку это нужно для понимания, выявления материалов – а это, конечно, сейчас нужно. Нам, конечно, нужно наши материалы печатать. Я это говорю сейчас здесь не для того, чтобы заниматься ламентациями по поводу непечатания наших материалов, по поводу того, что миллионы рукописей лежат без движения. Я думаю, что никакие миллионы не лежат. Вопрос не в этом, а вопрос в том, что невозможность печатать наши работы здесь приводит к подрыву нашего материального положения. Дело в том, что часть нашей валюты, и довольно большая часть, уходит из наших рук. Музейные работники ежегодно отправляют за границу с богатейшими иллюстрациями и постепенно, таким образом, наша валюта утекает, потому что за все те предметы, которые находятся у нас, будь они изданы у нас, хотя бы и в виде дорогостоящих книг, мы, несомненно, вытаскивали бы деньги из-за границы в неизмеримо большем размере, чем те 60–80 копеек, которые платят за фотографии. И нужно сказать, что это весьма и весьма отражается на деятельности тех отделений Эрмитажа, которые раньше фотографировались иностранными фирмами и негативы снимков с которых находятся за границей. Эти отделения вовлекаются в европейский научный обиход гораздо меньше, чем те отделения, снимки которых не имеются за границей. Почему? Да потому что нужно быть очень наивным человеком, чтобы думать, что печатание наших работ за границей, особенно посвященных материалам, находящимся в наших музеях, является данью признания европейской наукой наших ученых. Западная наука заинтересована в издании наших материалов и только в виде приложения печатает статьи наших ученых. С этим считаться нужно, ибо это есть определенная утечка валюты за границу, чему должен быть положен предел. Должны быть выделены определенные суммы на то, чтобы издавать у нас роскошные издания, за которые мы сможем получать за каждый советский рубль, истраченный на эти издания, рубль золотом. А все эти суммы нам понадобятся не только на восстановление и реконструкцию наших музеев, но и реконструкцию нашего народного хозяйства. И на это хватит. С этим нужно считаться.

ЦГА СПб. Ф. 6307. Оп. 12. Д. 8. Л. 1–4 об., машинопись

Примечания

1. Об этом см.: [22].
2. См. составленную самим И.А. Орбели записку «о ненаучности структуры музея», поданную в Совет Эрмитажа и датированную 29 января 1927 г. [5, с. 39–49]. Новейшая публикация записки и дискуссии, разгоревшейся вокруг нее в Государственном Эрмитаже, доступна в [7, с. 99–120; 8, с. 73–87].
3. Возможно, имеется в виду Юрий Яковлевич Перепелкин (1903–1982) – советский египтолог, доктор исторических наук (1969). К концу 1929 г. он опубликовал уже три работы [23, с. 68–69; 24, с. 20–21; 25, с. 108–112]. Первые две публикации, действительно, вышли в изданиях АН СССР. С 1927 г. Ю.Я. Перепелкин был сотрудником Музея палеографии (впоследствии – Института истории книги, документа и письма) АН СССР. О нем как научном сотруднике первого разряда и заведующем отдела письма данного музея см.: СПБФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а (1933). Д. 31. Л. 1, 5. Впрочем, возможно, речь идет и о Дмитрие Алексеевиче Ольдерогге (1903–1987) – впоследствии члене-корреспонденте АН СССР (1960), крупнейшем советском африканисте, который начинал свою научную работу как египтолог, с 1925 г. служил научным сотрудником второго разряда в Музее антропологии и этнографии РАН/АН СССР и в 1928 г. опубликовал две статьи по египтологии в академических изданиях [см.: 26, с. 97–99; 27, с. 384–394].
4. Главное управление профессионального образования действовало в структуре Наркомпроса РСФСР с 1920 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спасти и сохранить. Эвакуация Государственного Эрмитажа на Урал в документах, воспоминаниях, фотографиях и рисунках / Сост. Е.Ю. Соломаха, Е.М. Яковлева. Екатеринбург: ООО «ПК АСТЕР-ЕК», 2021. 336 с.
2. Каталог Анийского музея древностей / Сост. И. Орбели. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. 135 с.
3. Юзбашян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961. 2-е изд., доп. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. 166 с.
4. Журналы заседаний Совета Эрмитажа. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. Ч. II. 1920–1926 годы. 880 с.
5. Иосиф Абгарович Орбели. 1887–1961 гг. Документы и материалы / Сост. Баликян О.С., Саркисян Э.Г.; Ред. А.О. Арутюнян. Ереван: [Б. и.], 1980. 200 с. (Вестник архивов Армении. 1980. № 1 (56)).
6. Ананьев В.Г. К вопросу о периодизации музеологии // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2. С. 38–42.
7. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа в связи с запиской И.А. Орбели. Январь – март 1927 г. [Ч. 1] // Исторический архив. 2021. № 5. С. 99–120.
8. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа в связи с запиской И.А. Орбели. Январь – март 1927 г. [Ч. 2] // Исторический архив. 2021. № 6. С. 73–87.
9. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Теория и практика музейного дела в деятельности академика С.Ф. Ольденбурга // Вестник Древней истории. 2019. Т. 79. Вып. 4. С. 1022–1039.
10. Туминская О.А. Антирелигиозная пропаганда в Государственном Русском музее (1922–1939 гг.) // Музей. Памятник. Наследие. 2020. № 1 (7). С. 67–81.
11. Закс А.Б. Всероссийский музейный съезд // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 164–167.

REFERENCES

1. Solomakha EYu., Yakovleva E.M. (comps.). *To Save and Preserve. Evacuation of the State Hermitage to the Urals in Documents, Memories, Photographs and Drawings*. Yekaterinburg: PK ASTER-EK, 2021. (In Russ)
2. Orbeli I. (comp.). *Catalogue of the Ani Museum of Antiquities*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1910. (In Russ)
3. Yuzbashyan K.N. *Academician Iosif Abgarovich Orbeli. 1887–1961*. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, Main Editorial Board of Oriental Literature, 1986. (In Russ)
4. *Journals of Meetings of the Hermitage Board*. Part II: 1920–1926. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2009. (In Russ)
5. Balikyan O.S., Sarkisyan E.G. (comps.). *Iosif Abgarovich Orbeli. 1887–1961. Documents and Materials* / A.O. Arutyunyan (ed.). Yerevan, 1980. (*Herald of the Archives of Armenia*. 1980; (1/56)). (In Russ)
6. Ananiev V.G. On the issue of periodization of museology. *Vestnik of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2013; (2): 38–42. (In Russ)
7. Ananiev V.G., Bukharin M.D. Boundaries of disciplinarity and the discussion about the structure of the Hermitage in connection with the memorandum of I.A. Orbeli. January – March 1927. [Part 1]. *Istoricheskii Arkhiv*. 2021; (5): 99–120. (In Russ)
8. Ananiev V.G., Bukharin M.D. Boundaries of disciplinarity and the discussion about the structure of the Hermitage in connection with the memorandum of I.A. Orbeli. January – March 1927. [Part 2]. *Istoricheskii Arkhiv*. 2021; (6): 73–87. (In Russ)
9. Ananiev V.G., Bukharin M.D. Theory and practice of museum work in the activities of Academician S.F. Oldenburg. *Journal of Ancient History*. 2019; 79(4): 1022–1039. (In Russ)
10. Tuminskaya O.A. Anti-religious propaganda in the State Russian Museum (1922–1939). *Museum. Monument. Heritage*. 2020; (1/7): 67–81. (In Russ)
11. Zaks A.B. All-Russian Museum Congress. *Voprosy Istorii*. 1980; (12): 164–167. (In Russ)

12. Луппол И.К. Диалектический материализм и музейное строительство: доклад на Первом Всероссийском съезде 1 декабря 1930 г. М.; Л.: ОГИЗ, типография «Пролетарское слово», 1931. 32 с.
13. Цыркина Г.И. Из истории музейного строительства в СССР в 1920–1930-е годы // Античное искусство в советском музееведении. Сборник научных трудов / Науч. ред. Е.В. Мавлеев. Л.: [Б. и.], 1987. С. 6–19.
14. От классиков к марксизму: Совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / [под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона]. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 509 с.
15. Соломаха Е.Ю. Эрмитаж – «Антиквариат». Документы, свидетельства современников // Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи 1928–1929 годов. Архивные документы / Под общей ред. члена-корреспондента РАН М.Б. Пиотровского. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 11–24.
16. Ананьев В.Г. «Перед музеями стоят новые задачи». Совещание музейных работников Ленинграда и музейная политика Главнауки Наркомпроса РСФСР. 1929 г. // Исторический архив. 2024. № 4. С. 44–54.
17. Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л.: Academia, 1935. XLVII с.
18. ICOFOM Study Series. 2010. Vol. 39: Deaccession and Return of Cultural Heritage – A New Global Ethics. Shanghai: ICOFOM, 2010. 242 p.
19. Lorente P.J. The development of museum studies in universities: from technical training to critical museology // Museum Management and Curatorship. 2012. Vol. 27. Pt. 3. P. 237–252.
20. Rights and Reproductions: The Handbook for Cultural Institutions. 2nd ed. / Ed. by A.M. Young. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2019. 404 p.
21. Deloche B. Museologica: contradictions et logique du musée. Paris; Lyon: J. Vrin; Institut interdisciplinaire d'études épistémologiques, 1985. 202 p.
22. Аннаева Ж.М. История поступления художественной коллекции в краеведческий музей Нальчика // Наследие веков. 2018. № 3. С. 53–59.
23. Перепелкин Ю.Я. Цвет Сириуса // Природа. 1929. № 1. С. 68–69.
24. Перепелкин Ю.Я. Фрагмент древнеегипетской надписи XII династии в Музее Палеографии Академии Наук СССР // Доклады Академии наук СССР. Серия В. № 1. М., 1929. С. 20–21.
25. Perepelkin J. Die Aufgabe Nr. 62 des Mathematischen Papyrus Rhind // Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik. Berlin: Springer, 1929. Bd. I. Heft 1. S. 108–112.
26. Ольдерогге Д.А. К организации цехового управления в древнем Египте эпохи Среднего царства // Доклады Академии наук СССР. М., 1928. С. 97–99.
27. Ольдерогге Д.А. Управитель Бурга // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. 1928. Т. 3. Вып. 2. С. 384–394.
12. Luppul I.K. *Dialectical Materialism and Museum Construction: Report at the First All-Russian Congress on December 1, 1930*. Moscow; Leningrad: OGIZ, Proletarskoye Slovo Printing House, 1931. (In Russ)
13. Tsyorkina GI. From the history of museum construction in the USSR in the 1920s–1930s. In: Mavleyev E.V. (ed.). *Ancient Art in Soviet Museum Studies. Collection of Scientific Papers*. Leningrad, 1987: 6–19. (In Russ)
14. Arzyutov DV., Alymov SS., Anderson DG. (eds.). *From Classics to Marxism: Conference of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)*. St. Petersburg: MAE RAS, 2014. (In Russ)
15. Solomakha EYu. The Hermitage – "Antikvariat". Documents, testimonies of contemporaries. In: Piotrovsky M.B. (ed.). *The State Hermitage. Museum Sales of 1928–1929. Archival Documents*. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House, 2006: 11–24. (In Russ)
16. Ananiev VG. "Museums face new tasks". Conference of museum workers of Leningrad and museum policy of Glavnauka of Narkompros of the RSFSR. 1929. *Istoricheskiy Arkhiv*. 2024; (4): 44–54. (In Russ)
17. Orbeli IA., Trever KV. *Sasanian Metal. Artistic Objects of Gold, Silver and Bronze*. Moscow; Leningrad: Academia, 1935. (In Russ)
18. *ICOFOM Study Series. Vol. 39: Deaccession and Return of Cultural Heritage – A New Global Ethics*. Shanghai: ICOFOM, 2010.
19. Lorente P.J. The development of museum studies in universities: From technical training to critical museology. *Museum Management and Curatorship*. 2012; 27(3): 237–252.
20. Young AM. (ed.). *Rights and Reproductions: The Handbook for Cultural Institutions*. 2nd ed. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2019.
21. Deloche B. *Museologica: Contradictions et logique du musée*. Paris; Lyon: J. Vrin; Institut interdisciplinaire d'études épistémologiques, 1985.
22. Appaeva ZhM. History of the accession of the art collection to the Local History Museum of Nalchik. *Heritage of Centuries*. 2018; (3): 53–59. (In Russ)
23. Perepelkin YuYa. The color of Sirius. *Priroda*. 1929; (1): 68–69. (In Russ)
24. Perepelkin YuYa. Fragment of an Ancient Egyptian inscription of the 12th Dynasty in the Museum of Paleography of the USSR Academy of Sciences. *Reports of the Academy of Sciences of the USSR. Series B*. Moscow, 1929; (1): 20–21. (In Russ)
25. Perepelkin J. Die Aufgabe Nr. 62 des Mathematischen Papyrus Rhind. *Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik*. Berlin: Springer, 1929; 1(1): 108–112.
26. Olderogge DA. On the organization of guild management in Ancient Egypt during the Middle Kingdom era. *Reports of the Academy of Sciences of the USSR*. Moscow, 1928: 97–99. (In Russ)
27. Olderogge D.A. The steward of Burg. *Notes of the Board of Orientalists at the Asiatic Museum of the USSR Academy of Sciences*. 1928; 3(2): 384–394. (In Russ)

Поступила в редакцию 21.12.2025 г.

Принята в печать 16.02.2026 г.

Опубликована 30.09.2026 г.

Recieved 21.12.2025

Accepted 16.02.2026

Published 30.09.2026